

Л.Р. Павлинская. Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб., 2002. 263 с.

Книга Л.Р. Павлинской строится в основном на результатах собственных полевых исследований в Окинском аймаке Республики Бурятия, поэтому позволю себе начать с нескольких общих замечаний по поводу практики написания такого рода работ. Сразу можно сказать, что монографическое описание культуры на основе полевых материалов – пожалуй, самый трудный жанр этнографической науки. Трудность обусловлена прежде всего необходимостью выполнить физически невыполнимую задачу – проводить синхронное, одновременное наблюдение во всех областях данной культуры. В свою очередь, это требование проистекает из тезиса о взаимосвязи всех частей отдельно взятой культуры. Сам характер изложения предполагает, что исследователь находится одновременно во всех точках пространства и во всех фазах временного цикла существования данной культуры. Как следствие, морфология текста монографии всякий раз оказывается идентичной морфологии изучаемой культуры. Но это означает, что уже простая фиксация и классификация полевых материалов несут в себе элементы концептуализации.

В известном смысле момент описания культуры совпадает с моментом ее создания в качестве предмета этнографического исследования. Автор этнографического труда не обязан стремиться к абсолютной безошибочности своих оценок и суждений. Объективность эмпирического исследования заключается не в безнадежных попытках автора отказаться от своего “Я”, но в системности, “цельности и связности” текста описания, обладающего к тому же достаточной протяженностью, чтобы читатель имел возможность сопоставления различных частей и положений. Впрочем, это и есть то, что принято называть “критикой источника”, и, следовательно, реальное использование того или иного текста как этнографического источника. Безусловно, труд Л.Р. Павлинской отвечает всем этим требованиям и тем самым выполняет свою главную задачу – представить традиционную культуру народов Окинского края Восточных Саян (сойотов и бурят) такой, какова она в конце XX в.

Здесь также следует обратить внимание на то, что проблема этногенеза ставится автором не совсем обычно. Л.Р. Павлинская пишет, что в результате “длительного этнокультурного взаимодействия автохтонных народов Восточных Саян и пришлых бурятских групп в Окинском аймаке возникла новая гармоничная форма культуры, в которой логично сочетались основы охотничье-оленьеводческой и скотоводческой культур, создавая неповторимый специфический облик этнической культуры населения этого края” (с. 121). Следовательно, в роли объекта исследования для нее выступает не этноним, как это часто бывает, но действительно культура (“этнос”). С этим можно сравнить идею, согласно которой конкретное исследование в области этнической истории следует ограничивать территорией, а не этнической общностью¹. Еще раньше о предпочтительности этого метода писал Р.Ф. Итс².

Описание культуры как единого целого должно опираться на ареальные различия данной культуры. По крайней мере пространственные различия являются простейшей моделью эволюционных изменений. Видимо, на смену методу создания “среднеарифметических” представлений о той или иной культуре, когда локальные различия молчаливо или под каким-либо благоприятным предлогом опускаются, приходит иная стратегия, направленная именно на изучение внутренних различий этнографической культуры, непрерывающегося взаимного “перетекания” составляющих ее элементов. Речь идет о переносе акцента на монографические описания субэтносов, т.е. в сферу того направления, которое можно именовать ареальной этнографией. Собственно говоря, на этом и должен строиться ныне столь популярный семиотический подход (суть которого скорее в раскрытии тотальной связи между элементами культуры, чем в трактовке культуры как “текста”). Сказанное означает, что ареальная этнография, хотя и не позволяет в полной мере использовать современные методики анализа отдельных элементов культуры, но является его естественной и необходимой предпосылкой.

На мой взгляд, и в разделах, посвященных современным этническим процессам, и в разделах, в которых рассматриваются различные виды хозяйственной деятельности, автору во многом удастся преодолеть барьер “неэтнографичности”. Вероятно, это происходит за счет базовой установки на изучение взаимодействия традиции и “индустриализации”. С одной стороны, даже навязанные извне институты со временем становятся “аспектом” традиционной культуры, в той или иной степени ассимилируясь ею. С другой стороны, содержательная часть традиции продолжает существовать в самых “нетрадиционных” условиях. Далеко не все, что касается таких тем, как “сельское хозяйство”, можно почерпнуть из архивных документов. Краткие “истории жизни” информантов в виде вставок в основной текст сами по себе являются этнографическими фактами, как бы изнутри освещающая государственные структуры коллективного хозяйства подробностями древних форм жизнеобеспечения (с. 110). С этой точки зрения, может быть, излишне категоричным выглядит вывод автора о том, что, например, охота окинцев быстро утратила свои традиционные формы еще во времена Госпромхоза (с. 121). Отсюда тенденция говорить о традиционной стороне охотничьего промысла в прошедшем времени, например, о том, что “с охотой было связано большое число различных примет” (с. 206). Здесь автор противоречит себе, ибо в качестве иллюстрации к данному высказыванию приводит полевые записи 1999 г. Охота – это не только “способы охоты”. В этом К. Леви-Стросс, кажется, совершенно прав: исчезновение материальной основы традиционных обществ, например, орудия труда, делает объектом нашего исследования их внутренний мир³.

Конечно, особенно интересным представляется раздел “Традиционные верования и обряды в современной культуре”, в котором автор часто приводит собственные материалы. В рамках этой темы решаются две взаимосвязанные задачи: 1) фиксация (сохранение) фактов традиционной культуры, которые, может быть, известны по исследованиям других районов, но неизвестны документально как факты, относящиеся к Окинскому аймаку, и 2) фиксация неизвестных оттенков хрестоматийно известных фактов культуры народов данной историко-этнографической области. На этой основе возникает единая картина духовной жизни, которая, следует думать, характеризует не только современное, но во многом и прошлое состояние рассматриваемой традиции. В этом разделе прием графически выделенных вставок фрагментов полевых записей автора выглядит особенно удачным. В рассматриваемом отношении вклад автора и актуальность научной задачи определяются ее же словами о малой изученности духовной культуры населения Окинского края, когда фиксация современного среза местных традиций “необычайно важна и для понимания сегодняшнего состояния культуры окинцев, и для будущих исследований истории ее формирования и развития” (с. 10).

Думается, на данном этапе автор ограничивает себя задачей ввода в научное обращение собранных этнографических фактов на метаязыке, принятом в современной литературе⁴. Здесь приходится посетовать на одно обстоятельство, которое несколько снижает общее благоприятное впечатление. К сожалению, в целом уместное и правильное по форме использование формулировок Мирчи Элиаде и научных клише вроде: “семантический центр Вселенной”, “семантика Мировой оси”, “Мировая река”, “Мировое дерево”, “сакральное Время” и т.п., в некоторых случаях не столько помогает, сколько мешает автору, сковывая собственный анализ весьма интересных полевых материалов. Остается лишь пожелать, чтобы в будущем появилась отдельная работа по традиционным верованиям населения Окинского аймака, в которой эта тема была бы “прорисована” более подробным и, если угодно, более независимым образом. В этом плане мне особенно импонирует подход Л.Р. Павлинской, когда она говорит о том, что расхождения в деталях между исследователями, чьи полевые материалы пересекаются, не опровергают друг друга, а только подтверждают сделанные ими наблюдения (с. 160). Это можно сформулировать как закон полевой этнографической практики: достоверность наблюдений различных исследователей обосновывается их расхождением, когда расстояние между двумя отдельными фиксациями культуры во времени амбивалентно расстоянию в пространстве. Этот источниковедческий закон имеет универсальное значение, о каком бы регионе Земли ни шла речь, Восточных Саянах, о-вах Самоа или Австралии.

Из бросающихся в глаза недочетов редакторского характера приходится упомянуть об отсутствии в библиографии имени М.Н. Хангалова, при наличии ссылок на его работы в основном тексте книги (с. 205, 214, 217, 219, 220, 232, 233, 234, 241).

В заключение хотелось бы наряду с точным научным стилем изложения отметить точность, продуманность структуры монографии. Эта структура, выраженная в оглавлении книги, сама по себе является средством выделения культурной общности окинцев. В этом отношении главы, которые посвящены современным реалиям (прозе “советской жизни”) и которые, согласно одной из существующих теорий, могут интересовать этнографа далеко не в первую очередь⁵, играют весьма важную роль. Фактически в них показаны условия собирания материалов по традиционной духовной культуре. Без такого экскурса картина могла получиться не вполне достоверной именно с этнографической точки зрения. Все это подчеркивает возможность и необходимость использования труда Л.Р. Павлинской в качестве самостоятельного этнографического источника по традиционной культуре народов Восточных Саян. Таким образом стирается еще одно “белое пятно” на карте комплексных исследований по этнографии Сибири.

Примечания

¹ *Анфертьев А.Н.* Прологомены к изучению этнической истории // *Этносы и этнические процессы.* М., 1993. С. 64.

² *Итс Р.Ф.* Введение в этнографию. Л., 1991. С. 116.

³ *Левин-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994. С. 36.

⁴ См., напр.: *Мифы народов мира.* М., 1980. Т. 1; 1982. Т. 2.

⁵ *Байбурун А.К.* Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта) // *Сб. МАЭ. Т. XXXVIII.* Л., 1982. С. 9.